

S.A. Yatsenko

Due to permafrost discoveries, the costume of the Pazyryk culture is better known than that of the other ancient Iranic peoples. Its analysis against a large background of Iranic material provides unique possibilities for historical reconstruction (Pl. 1). Specific features of the Pazyryk costume are: a headgear topped by small statuettes of different animals, its ornament (stylized roosters, fantastic fishes, «snake scales», etc.); and an abundance of clothes sewn together with sinew threads. Pazyryk *kandis* were not buttoned (as was the case with other Iranians), but rather wrapped tight to the left side.

The article gives a detailed description and classification of all the elements of the Pazyryk traditional costume in the VI–III centuries B.C.; it also gives a characteristics of Pazyryk elements in modern costumes of Turk people in the Altai. The traditional costume is an ample proof of Pazyryk genetic relationship with their South-Eastern and Southern Iranian nomadic neighbours, such as the Loufangs of Ordos, the Hu-sungs of Turfan and the Yuezhi's of Kansu and Eastern Xinjiang (the latter later migrated to Bactria). To a lesser extent this also refers to the Sak people of Northern Tianshan (anthropological data speaks in favour of their Southern Siberia origins).

The influence that was exerted upon the Pazyryk costume by the Achaemenid Iran and certain western Chinese kingdoms was mainly limited to the acquisition of expensive tissues. The Achaemenids also partially provided the decoration of the *kandis* (two prolonged rectangulars on cuffs in mound 2 of Pazyryk and a particular headgear with a kind of a staple on the nape in Katanda). The decoration of men's headgear type 2 is borrowed from Chinese leather helmets of Zhou period, with a lacquer «scale» coating. Silk is also found in ordinary tombs (Ulandryk 1, mound 1).

Eastern neighbours (Sayan and Hsiung-nu tribes) also exerted their influence, which is traced in some extremely rare discoveries of particular beltplates. Contacts with Siberian natives are seen in the usage of «tail-coats» (Katanda) and, probably, in the variegated colours of the aristocratic costume (similar to that of the ethnic minorities on the river Amur).

The aristocratic costume's specific features were gala *kandis*, tail-coats, breastplates, a female headgear with a flat top (Pazyryk, mound 5; the goddess on the tapestry from the same mound), small female shoes with a rich embroidery, possibly also the use of cast gold to make some important elements (bracelets, beltplates): such things were taken by robbers, while some of them were inherited, with only their wooden models placed in the tombs. The more modest complexes of Ak-Alakha 1, 3 do not feature these elements.

© 1999 г.

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ГОТОВ В ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Причерноморский период готской истории в последнее время вновь привлекает к себе внимание ученых. Целью настоящей статьи является попытка еще раз рассмотреть вопрос о времени появления готов в Северном Причерноморье – Нижнем Подунавье, основываясь в первую очередь на данных письменной традиции.

Согласно Иордану, готский король Филимер из-за перенаселенности своей территории решил найти новые места для обитания¹. После некоторых странствий готы, возглавляемые своим королем, пришли в земли Скифии, «которые называются на их языке Ойум» (Get. 27)². В источнике приводится рассказ о том, как половина войска во главе с Филимером переправилась через реку, после чего рухнул мост, и «никому

¹ Iord. Get. 26 (...) consilio sedit, ut exinde cum familiis Gothorum promoueret exercitus. Текст и перевод «Геттики», кроме специально оговоренных случаев, приводится по изданию: Анфертьев А.Н. Иордан «Геттика» // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1. М., 1991. С. 98–161. Некоторые изменения интерпункции и перевода принадлежат публикатору (устные сообщения).

² Iord. Get. 27: qui aptissimas sedes locaque, dum quereret congrua, peruenit ad Scythiae terras, quae lingua eorum Oium uocabantur (...).

уже в дальнейшем не стало возможности пройти туда или обратно» (Get. 27). Как свидетельствует Иордан, это место (is locus), т.е. Ойум, «окружено пучиной, замкнуто зыбкими болотами», непроходимо (Get. 27); по свидетельству путешественников, «(...) и сейчас там слышится мычание скота и видны признаки (обитания) людей» (Get. 27). С появлением в рассказе моста, по мнению А.Н. Анфертьева, возможно, начинается другая история. Скорее всего здесь присутствует вставка иного по происхождению фольклорного сюжета, сопоставимого либо с рассказом о происхождении хуннов (Get. 121–125), либо с представлениями о Меотийском болоте. Дальнейший анализ этого пассажа будет более плодотворным в контексте изучения других фольклорных мотивов о труднодоступных местностях и обрушившихся мостах, а не в попытках географической локализации Ойума³. В том же сообщении Иордан использует легендарно-сказочный мотив о людях, чьи голоса доносятся из глубины вод. Мотив этот очень часто повторяется в прозаических и стихотворных повествованиях, где речь идет о различных реках, морях и озерах⁴. Далее Иордан сообщает: «Итак, та часть готов, о которой говорят, что она вместе с Филимером переправилась, перейдя реку, в земли Ойум, овладела желанной страной»⁵.

Вопрос о локализации Ойума уже неоднократно привлекал внимание исследователей. Были попытки отождествлять Ойум и с Подунавьем, и с Поднепровьем, и с Подоньем, и с Прикубаньем⁶, однако ни одно из этих отождествлений по целому ряду соображений не может быть принято окончательно⁷. В слове Oium К. Мюлленхоф видел готское *Auþm, обозначающее 'территорию, окруженную водой' ('остров'). Отметим, что форма *Auþm представляет собой готский dat. pl., и, таким образом, Oium у Иордана может обозначать 'земли, изобилующие водой'⁸. Пытаясь так или иначе локализовать *Auþs, следует помнить, что рассказ, приводимый в «Гетике», в конечном итоге восходит к готской народной традиции и, вероятно, отражает передвижения готов в Северном Причерноморье и разделение готского племени на две ветви⁹. Но, учитывая возможные искажения, которые могли возникнуть при его передаче, некорректно лишь на этом основании делать построения относительно географической локализации готских миграций в северопонтийском регионе.

В «Гетике» сообщается о победоносном сражении готов Филимера со спалами (Spali)¹⁰. Спалы Иордана идентифицировались рядом ученых со спалеями (Spalaei), упомянутыми в «Естественной истории» Плиния (VI. 22) в числе племен, обитавших вдоль берегов Танаиса. Г.В. Вернадский считал возможным отождествить спалов Иордана со спорами (Σπόροι) Прокопия Кесарийского (B.G. 3.14.29)¹¹. Некоторые исследователи связывают этноним Spali со ст.-слав. ИСПОЛИНЪ, 'великан'¹².

После битвы со спалами готы «спешат в крайнюю часть Скифии, которая со-

³ Анфертьев. Ук. соч. С. 117. Прим. 25.

⁴ Пидаль Менендес Р. Готы и происхождение испанского эпоса // Менендес Пидаль Рамон. Избранные произведения: Пер. с исп. М., 1961. С. 109.

⁵ Iord. Get. 28: haec ergo pars Gothorum, quae apud Filimer dicitur in terras Oium emenso amne transposita, optatum potius solum (...).

⁶ См., например: Schmidt L. Geschichte der deutsche Stämme bis zum Ausgang der Völkerwanderung // Quellen und Forschungen zur alten Geschichte und Geographie. В., 1904. 7. S. 53 f.; Lewicki T. Zagadnienie Gotów na Krymie // PZ. 1951. 5/6. S. 81 f.; Топоров В.Н. Ойум Иордана (Getica, 27–28) и гото-славянские связи в Северо-Западном Причерноморье // Этногенез народов Балкан. М., 1984. С. 128–138.

⁷ Анфертьев. Ук. соч. С. 116 сл. Прим. 21.

⁸ Jordanis. Romana et Getica / Rec. Th. Mommsen. В., 1882. P. 163 (MGH. Auct. antiquiss. T. 5. Pars. 1); Schmidt. Op. cit. S. 53 f.; Lewicki. Op. cit. S. 81 f.; Schwarz E. Germanische Stammeskunde. Heidelberg, 1956. S. 87; Топоров. Ук. соч. С. 128–130.

⁹ Wolfram H. History of the Goths. Berkeley, 1990. P. 43.

¹⁰ Iord. Get. 28. Относительно различных отождествлений спалов см. комментарий к данному месту А.Н. Анфертьева (Ук. соч. С. 118 сл. Прим. 37).

¹¹ Vernadsky G. The Spali of Jordanes and Spori of Procopius // Byzantion. 1938. 13. P. 263–266.

¹² Анфертьев. Ук. соч. С. 118 сл. Прим. 37.

судствует с Понтийским морем» (Iord. Get. 28)¹³. Об этом, как мы читаем у Иордана, «вспоминается в их древних песнях, (...) об этом свидетельствует и Аблабий, (...) с этим мнением согласны некоторые из древних (писателей)» (Get. 28–29). Затем историк отмечает: «А почему также Иосепп (имеется в виду Иосиф Флавий. – В.Л.) (...) оставил без внимания то, что мы сказали о началах народа готов, мы не знаем; однако, упоминая это племя, (начиная) с этой местности (tamen ad hoc loco eorum stirpem commemorans), он утверждает, что они называются скифами и по происхождению, и по названию (Scythas eos et natione et uocabulo asserit appellatos)» (Get. 29). Отметим, что tamen ab hoc loco – одно из рукописных чтений, которое А.Н. Анфертьев предлагает принять вместо предложенной фон Гутшмидом и К. Мюлленхофом конъектуры tantu magog¹⁴. Следование рукописному чтению облегчает понимание текста, так как выражение ab hoc loco связано с предыдущим optatum solum и extrema Scythiae pars – ‘желанной землей’, ‘крайней частью Скифии’, куда спешат готы после победы над спалами (Get. 28).

Продолжая изложение «готской истории», Иордан сообщает, что первое местопребывание готов в стране Скифии было около болота Меотиды, второе – в Мизии, Фракии и Дакии; третье – на Понтийском море, снова в Скифии (Get. 38). Сообщение о трех местах обитания готов в Скифии вводится глаголом legimus («мы прочли»), что указывает на письменную традицию, лежащую в основе данного пассажа Иордана и последующего рассказа о трех местах обитания готов (Get. 39–42, 79). Во время обитания готов у Меотиды их королем был Филимер (Get. 39). Следует заметить, что источник не дает указаний, к какому «королевскому дому» готов принадлежали Филимер, его отец Гадарик и правивший почти за пять поколений до Филимера Бериг. Эти три короля не встречаются ни в генеалогии Балтов, ни в генеалогии Амалов, приводимых в «Гетике» (79–81). С Беригом и Филимером у Иордана связаны те события, которые восходят к готскому эпосу: Бериг вывел готов с острова Скандзы на материк (Get. 25); Филимер возглавил переселение в Скифию (Get. 28), был королем готов во время их пребывания у Меотиды (Get. 39), и с ним же связана легенда о происхождении хуннов (Get. 121–122). Во время второго местопребывания в Мизии, Фракии и Дакии королем готов был Залмоксес (Get. 39). В третьей области – на Понтийском море, снова в Скифии – готы разделились между двумя знатными родами своего племени: визиготы служили Балтам, остроготы – Амалам (Iord. Get. 42). Собственно история готов начинается в «Гетике» с того момента, когда готы жили на третьем месте своего пребывания, в Скифии (Get. 89).

Сюжеты, включенные в рассказ о переселении готов в Скифию – выход готов из Готискандзы, разделение войска у *Aujōs и сражение со спалами, – в конечном итоге восходят к готской устной народной традиции. Их Кассиодор, вероятно, заимствовал у Аблабия¹⁵. Весь последующий рассказ Иордана (Get. 43–88) представляет собой изложение приписываемых готам различных событий из истории скифов, фракийцев, готов и даков¹⁶.

Дело в том, что история готов была известна Кассиодору лишь с того момента, как они появились на нижнедунайских границах Римской империи в середине III в. н.э. Все, что происходило до того, в его изложении представляет собой лишь отрывочные сведения из готских легенд. Кассиодор писал «готскую историю» при дворе готских королей в Италии и ставил своей целью «восстановить древнюю историю

¹³ (...) ad extremam Scythiae partem, que Pontico mari uicina est properant.

¹⁴ Анфертьев. Ук. соч. С. 120 сл. Прим. 51.

¹⁵ Относительно использования Кассиодором произведения Аблабия см. Jordanis Romana et Getica / Rec. Th. Mommsen. В., 1882. P. XXXVII–XXXIX (MGH. Auct. Antiquiss. T. 5. Pars. 1); Hachmann R. Die Goten und Scandinavien. В., 1970. S. 56–59, 106–109; Анфертьев. Ук. соч. С. 100, 118 сл. Впрочем, не исключено, что Кассиодор был знаком с готской устной традицией и из «первых рук». См. Barnish S.J.B. The Genesis and Completion of Cassiodorus' Gothic History // Latomus. 1984. Т. 43. Fasc. 2. P. 339.

¹⁶ Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica) / Вступ. ст., пер. и коммент. Е.Ч. Скржинской. М., 1960. С. 225–248. Прим. 134–293.

готов и придать ей глубину и величие римской»¹⁷. С целью выполнить свою задачу Кассиодор привносил в готскую историю сюжеты, относящиеся к истории других народов. Немалая часть книги посвящена идентификации готов с гетами и скифами. Подобных примеров объединения фактов из жизни одного народа с историей другого, более древнего, в античной историографии можно найти немало¹⁸. отождествление готов с хорошо известным с древности народом скифов вполне соответствовало целям историка. Вместе с тем идентификация готов со скифами не являлась новшеством Кассиодора¹⁹.

В сообщении Иордана (Кассиодора) область Меотиды является тем местом, которое искусственно связывает историю готов с историей скифов, известной нам из античной историографии. Таким образом, пассаж Иордана о первом местопребывании готов у Меотиды оказывается своего рода связующим звеном между сюжетами, восходящими к устной традиции готов, и идентификацией готов со скифами у Кассиодора.

Перейдем к другой группе свидетельств, к которой относится известие о готах Стефана Византийского: «Готы. Племя, в древности они поселились в (области. – В.Л.) Меотиды, после переселились во внешнюю Фракию (...)»²⁰. Источником Стефана Византийского стали произведения Парфения Фокейского – историка, предположительно жившего в IV в. н.э.²¹

Некоторые исследователи, и в частности В.П. Буданова, пытаются увязать это сообщение с уже рассмотренным свидетельством Иордана о пребывании готов у Меотиды, т.е. в Северном Приазовье. Переселение германских племен во Фракию, о котором пишет Стефан Византийский, соотносится ею с событиями 370-х годов н.э., когда теснимые гуннами готы попросили у Валента убежища в римских землях²².

Выше уже отмечалось, что локализация готов у Меотиды в «Гетике» Иордана не имеет никакого отношения к реальной готской истории. Говоря о переселении готов во Фракию, Стефан Византийский, по-видимому, имел в виду лишь конкретные события 370-х годов, а не сюжеты ранней готской истории. Относительно местопребывания готов он упоминает, что варвары «поселились в (области) Меотиды» (ἐν τῷ τῆς Μαϊώτιδος). По какой же причине в тексте источника готы вновь увязаны с Меотидой? Ответ на этот вопрос достаточно очевиден. Скорее всего эта взаимосвязь обусловлена

¹⁷ Анфертьев. Ук. соч. С. 120. Прим. 46, 47.

¹⁸ Bickerman E.J. *Origines gentium* // *Classical Philology*. 1952. 47. P. 68–82.

¹⁹ См., например: *Dexipp. Chron. fr. 22: Σκύθαι περαιωθέντες (οἱ λεγόμενοι Γότθοι. – В.Л.) τὸν Ἰστρου ποταμὸν ἐπὶ Δεκίου πλείστοι τὴν Ῥωμαίων ἐπικράτειαν κατενέμουτο* («скифы, (называемые готами. – В.Л.), перейдя в большом числе реку Истр, при Деции опустошили владение римлян»; перевод мой. – В.Л.). Это сообщение Дексиппа передает Георгий Синкелл, сама конструкция фразы заставляет нас предполагать, что οἱ λεγόμενοι Γότθοι является вставкой, принадлежащей либо переписчикам Георгия Синкелла, либо ему самому. Аналогичная фраза (οἱ Σκύθαι καὶ Γότθοι λεγόμενοι) содержится в другом месте Георгия Синкелла (*Chron. P. 467 /sec. ed. A. Mosshamer*), правда, без ссылки на Дексиппа; *Philostorg. Hist. Eccl. II, 5: (...)* ἐκ τῶν πέραν Ἰστρου Σκυθῶν, οὓς οἱ μὲν πάλαι Γέτας, οἱ δὲ νῦν Γότθους καλοῦσι («(...) из скифов за Истром, которых некогда (называли) гетами, а теперь называют готами (...); перевод мой. – В.Л.); *Proc. Caes. V.G. 4. 5. 6: οἱ (Γοτθικὰ γένη) δὴ καὶ Σκύθαι ἐν τοῖς πῦα χρόνοις ἐπεκαλοῦντο, ἐπεὶ πάντα τὰ ἔθνη, ἅπερ τὰ ἐκεῖν ἡ χωρία εἶχον, Σκυθικὰ μὲν ἐπὶ κοινῆς ὀνομάζεται, εἰσὶ δὲ αὐτῶν Σαυρομάται ἢ Μελάγχλαινοι, ἢ ἄλλο τι ἐπεκαλοῦντο* («Они же (Готские племена) и скифами в прежние времена назывались, так как все племена, которые занимали те местности, вообще называли скифскими народами: а некоторые из них назывались савроматами, меланхленами или как-нибудь по-другому»; перевод мой. – В.Л.).

²⁰ *Steph. Byz. S.v. Γότθοι. ἔθνος πάλαι οἰκῆσαν ἐν τῷ Μαϊώτιδος, ὕστερον δὲ εἰς τὴν ἐκτὸς Θράκης μετατέστησαν (...)*.

²¹ *Seel O. Parthenios* // *RE*. 1949. 18. Sp. 1900–1901; *Jones A.H.M., Martindale J.R., Morris J. The Prosopography of the Later Roman Empire*. A.D. 260–395. V. 1. Camb., 1971. P. 668. Впрочем, известен Парфений лишь по нескольким ссылкам на него у Стефана Византийского.

²² Буданова В.П. Готы в эпоху Великого переселения народов. М., 1990. С. 75.

представлением о готах как о скифском народе, сформировавшемся еще в античной традиции.

Здесь мы имеем дело с традиционными представлениями об этногеографической картине Северного Причерноморья, сложившимися еще в VII–V вв. до н.э. и оказывавшими влияние на всю последующую историографию античного и византийского периодов.

Напомню, что локализация скифов у Меотиды впервые встречается у Эсхила²³, который сознательно игнорировал известную уже в его времена этногеографическую картину Скифии, положенную в основу описания Геродота²⁴. Несмотря на то что поэт был хорошо знаком с ионийской географической и этнографической литературой²⁵, в данном случае, как и в некоторых других своих географических экскурсах, Эсхил ввел элемент нереальности.

Помещение скифов у Меотиды можно найти и в «Описании населенной земли» Дионисия²⁶. Начиная описание Понта, Дионисий указывает на мифические предания, легшие в его основу (Orb. Descr. Vv. 138 sq.). Землеописание Дионисия пользовалось большой известностью как в римскую, так и в византийскую эпохи. На это указывают латинские переложения землеописания Дионисия²⁷ и его греческие парафразы (комментарий к Дионисию Евстафия относится к XII в.)²⁸. Важно помнить, что, несмотря на изменения реальной этногеографической ситуации в Северном Причерноморье, школа тем не менее жила старыми географическими схемами и та картина, которую дал Дионисий, оказала влияние на последующую традицию. Таким образом, представление о скифах, живущих у Меотиды, со временем стало топосом.

Вернемся к Стефану Византийскому. Скорее всего, он имел в виду лишь готов, поселившихся во Фракии, традиционно полагая, что туда как скифский народ они пришли из области Меотиды.

Дошедшая до нас письменная традиция главное внимание уделяет военно-политической истории готов и их взаимоотношениям с Римской империей. Наиболее крупным военным столкновением между коалицией варварских племен Северного Причерноморья и Римом стала война при императоре Клавдии II (268–270 гг. н.э.). Об участниках похода источники предоставляют богатый материал. Подробные списки племен даны у Зосима (Zos. I. 42: Πεύκαι, Γότθοι, Ἐπουλοί) и у биографа Клавдия II (SHA. Claud. 6. 2.). Особый интерес для нас представляет сообщение в биографии Аврелиана, где участники похода названы меотидами²⁹.

Известия письменных источников о готских морских походах 250–270-х годов н.э. в конечном итоге восходят к недошедшим до нас произведениям Дексиппа «Скифская история» и «Хроника»³⁰. В биографиях императоров Аврелиана и Тацита участники

²³ Aesch. Prom. 417–419. καὶ Σκυθῆς Ἴμιλος αἱ γὰρ Ἰἔσχατον τόπον ἀμφὶ Μαλιώτιν ἔχουσιν ἄμμαν; («и многолюдные племена скифов, обитающих вокруг Меотийского озера»); перевод В.В. Латышева).

²⁴ Herod. IV. 99. 100: ἀπὸ Ἰστρου αὐτῆ ἦδη ἢ ἀρχαίῃ Σκυθίῃ ἐστὶ (<...>) Σκύβαι (<...>) μέμονται, τοῦ τε βοσπόρου τοῦ Κιμμερίου τὰ πρὸς ἐσπέρας καὶ τῆς ἁλμυρῆς τῆς Μαλιώτιδος μέχρι Ταννάιδος ποταμοῦ, ὃς ἐκδιδοί ἐς μυχὸν τῆς ἁλμυρῆς ταύτης («От Истра идет уже древняя Скифия; (<...>) живут скифы к западу от Боспора Киммерийского и от Меотийского озера до реки Танаис, которая впадает в наиболее отдаленный угол этого озера»; перевод по изд.: Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982. С. 139–141).

²⁵ Тохтасьева С.Р. «Киммерийская топонимия». I // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1984. С. 143 (литературу по этому вопросу см. там же).

²⁶ Dionys. Orb. Descr. Vv. 163–165: Τοῦ καὶ πρὸς βορρῆν Μαλιώτιδος ὕδατα ἁλμυρῆς ἢ ἐκκέχυται. Τῇ μὲν τε πέρι Σκύβαι ἀμφιμένονται. Ἰδιῶδες ἀπειρέσιαι. (<...>) («К северу от него (Понта) разлиты воды болота Меотиды, вокруг которого обитают скифы, бесчисленный народ (<...>»); перевод мой. – В.Л.).

²⁷ См., например, то же место у Авiena (Vv. 243–246).

²⁸ Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Пг., 1925. С. 81.

²⁹ SHA. Aurel. 16.4: illud tamen constat omne contra Meotidas bellum diuum Claudium nulli magis quam Aureliano credidisse.

³⁰ См., например: Graebner F. Eine Zosimosquelle // Byzantinische Zeitschrift. 1905. 14. S. 87–159; Demerau P. Kaiser Claudius II. Gothicus // Klio. 1934. 33. 20. S. 1–24; Salamon M. The Chronology of the Gothic incursions into

походов 268–270 гг. н.э. и 275 г. н.э. названы меотидами³¹. Сама форма этнонима, приводимая в SHA, указывает на то, что информация для этого пассажа была почерпнута из греческого источника, так как в биографии Аврелиана на это имеется прямое указание. В жизнеописании последнего под меотидами подразумеваются все участники похода, список которых дан в биографии Клавдия (VI. 2). А.Н. Анфертьев реконструирует список, приводимый Э. Холем, таким образом: *Peuci, Grautungii-Austrogothi, Teruingi-V(e/i)si, Gypedes, Celtae etiam et Eruli*³². Свидетель начавшихся готских вторжений в Римскую империю Дексипп, вероятно, первым назвал готов скифами, пользуясь сложившейся к его времени этногеографической номенклатурой. По мнению А.Н. Анфертьева, подобная топонимная модель этника – меотиды – вполне обычна и есть топоним, который, вероятно, восходит к Эсхилу³³.

Сказанное выше позволяет прийти к следующим выводам. Известия письменных источников о миграциях готов в Причерноморье основаны на готских легендах, которые дошли до нас как минимум через вторые руки (Кассиодор, Иордан), а также на традиционных представлениях об этногеографии Скифии, сложившихся в классический период и бытовавших вплоть до византийского времени. Поэтому историко-географические построения, основанные на рассмотренных выше известиях Иордана и Стефана Византийского, вряд ли могут быть корректными. Можно с уверенностью утверждать лишь, что по крайней мере в первой половине II в. н.э. готы жили в низовьях Вислы, а в III в. н.э. появились на нижнедунайских рубежах Римской империи.

Согласно свидетельствам Плиния Старшего (IV. 100), Тацита (Герм. 44.1) и Клавдия Птолемея (3.5.7–8), в I–II вв. н.э. готы (готоны) жили на северо-востоке древней Германии. Картину миграции готов и союзных с ними племен из Центральной Европы в Причерноморье можно попытаться реконструировать по археологическим данным.

Область, которую занимали готоны, по мнению ряда исследователей, находится в польском Поморье. На этой территории в первой половине I в. н.э. локализуются памятники оксывской культуры. Последняя достаточно тесно была связана с пшеворской культурой, которая находится на территории, занимавшейся племенами лугиев. С 50-х годов н.э. в польском Поморье происходят определенные изменения: начинает формироваться новая, отличная от пшеворской, археологическая культура, получившая название вельбарской. Для нее характерны такие признаки, как биригуализм (погребения с труположением и трупосожжением), отсутствие оружия в могильниках, захоронения под каменными курганами и в выложенных камнями концентрических кругах. Формирование вельбарской культуры связано с появлением в польском Поморье выходцев из Скандинавии (Западной Швеции)³⁴.

Становление и дальнейшее развитие вельбарской культуры впервые наиболее полно описал Р. Волонгевич³⁵. Основные выводы польского исследователя прини-

---

Asia Minor in the IIIrd Century A.D. // *Eos*. 1971. Т. 59. Fasc. 1. P. 109–117; *Alföldi A.* The Invasions of the Peoples from the Rhine to the Black Sea // *САН*. V. 12. Cambr., 1939. P. 721–723; *Burc D.F.* Reconsideration of Dexippus Chronica // *Latomus*. 1984. 43. 3. P. 596 f.; *Blockley R.C.* Dexippus of Athens and Eunapius of Sardis // *Latomus*. 1971. 30. 3. 1971. P. 710–715.

³¹ Meotidae – SHA. Aurel. 16. 4; Meotidae – SHA. Tac. 13. 2-3.

³² Анфертьев А.Н. Меотийские народы: текстологический комментарий к статье В.В. Лаврова // *Петербургский археологический вестник*. 1996. № 10.

³³ Там же.

³⁴ *Malinowski T.* Wprowadzenie do problematyki kultury wielbarskiej // *Problemy kultury wielbarskiej*. Słupsk, 1981. S. 9–25; *Kazanski M.* Les Goths (Ier–VIIe après J.-C.). P., 1991. P. 20–25; *Kokowski A.* Schätze der Ostgoten // *Schätze der Ostgoten: Eine Ausstellung der Maria Curie-Skłodowska Univ. Lublin und des Landesmuseums Zamość*. Stuttgart, 1995. S. 26–30.

³⁵ *Wolagiewicz R.* Kultura wielbarska – problemy interpretacji etnicznej // *Problemy kultury wielbarskiej*. Słupsk, 1981. S. 79–106; *idem.* Die Goten im Wielbark-Kultur // *Archeologia Baltica* T. VII. Peregrinatio Gothica. Łódź, 1986. S. 63–98.

маются учеными и сегодня³⁶. Памятники вельбарской культуры были разделены им на две территориально-хронологические фазы – любовидзскую (середина I в. н.э. – конец II в. н.э.) и цецельскую (конец II–IV вв. н.э.). Р. Волонгевич выделил семь регионов, где памятники вельбарской культуры существовали одновременно и имели при этом различную местную подоснову. Так, на первой фазе на Дравском поозерье, Словинском побережье отмечается трансформация оксывской культуры в вельбарскую. В Кашубско-Крайненском поозерье могильники типа Одры-Венсёры формируются самостоятельно. Здесь найдены каменные круги со стелами, аналогичные скандинавским. На цецельской стадии (с конца II – начала III в.н. э.) вельбарские памятники в Кашубско-Крайненском поозерье, Словинском побережье и Дравском поозерье прекращают существование. Памятники вельбарской культуры тогда появляются в Мазовии и Подлясье, где забрасывается часть пшеворских могильников, а оставшиеся трансформируются в вельбарские. Последующее передвижение носителей вельбарской культуры на юго-восток и в последней четверти II – первой половине III в. н.э. и их участие в формировании черняховской культуры связываются рядом ученых с готскими переселениями в Северное Причерноморье³⁷. Наряду с носителями вельбарской культуры в некоторых регионах ее распространения продолжает жить прежнее население – носители оксывской культуры, хотя во многих случаях, как показали раскопки, памятники оксывской культуры были покинуты ее обитателями³⁸.

Подобная картина, на первый взгляд, достаточно хорошо согласуется с легендой, приводимой в «Гетике», о выходе готов из Скандзы и дальнейшем движении их в Скифию. Однако критика достоверности предания, сообщаемого Иорданом, достаточно убедительно была проведена в ряде исследований еще в прошлом веке³⁹.

Так, Ф.А. Браун отмечал, что выселение из Скандинавии многих германских народов было общим явлением средневековой историографии⁴⁰. Он подчеркивал, что следует различать названия «Скандинавия» (*Scandinavia*) – это означает собственно Скандинавский полуостров – и «Скандия» (Скандза) – последнее обозначало не Скандинавский полуостров, а Датские острова⁴¹. Таким образом, Скандинавский полуостров, по Ф.А. Брауну, устранился из готского предания, связывавшего материковых готов с островом Готланд⁴². Легенда о выходе готов с Готланда представляет собой «исторический факт наизнанку» и относится ко времени прямых связей материка с Готландом, когда еще сохранялось воспоминание, что готы – не исконные жители низовьев Вислы⁴³. К тому же, если готы выселились из Скандинавии, следовало бы отнести предположение об их общей прародине и к ругам, и к бургундам, и к вандалам⁴⁴.

Гипотеза о прародине готов в Скандинавии вызвала критику со стороны шведских историков. К. Вейбуль и ряд других исследователей указывали, что позднейший рассказ о выселении из Скандзы имеет весьма сомнительную ценность. Однако если историки относятся к нему весьма скептически, то многие археологи, напротив, принимают рассказ Иордана на веру и поныне ставят его во главу угла своих реконструкций из области древнейшей истории Швеции⁴⁵.

³⁶ Kazanski. Op. cit. P. 20–25; Щукин М.Б. На рубеже эр. СПб., 1994. С. 245–249; Kokowski. Op. cit. S. 26–30.

³⁷ Щукин. Ук. соч. С. 245–249.

³⁸ Там же. С. 246.

³⁹ Zeuss K. Deutschen und Nachbarstämme. München, 1837. S. 402; Schönfeld M. Goti // RE. 1918. Suppl. 3. Sp. 799; Bradley H. The Goths from the Earliest Times to the End of the Gothic Dominion in Spain. L., 1888. P. 7f.

⁴⁰ Браун Ф.А. Разыскания в области гото-славянских отношений. Ч. 1. СПб., 1899. С. 308–327.

⁴¹ Браун. Ук. соч. С. 324 сл. К тому же выводу приходит шведский исследователь Й. Свеннунг (*Svenning J. Scandinavia und Scandia. Uppsala, 1963. S. 23–25, 33*).

⁴² Браун Ук. соч. С. 325.

⁴³ Там же. С. 326.

⁴⁴ Там же. С. 275.

⁴⁵ Weibull C. Die Auswanderung der Goten aus Schweden. Göteborg, 1958. S. 28.

Критика достоверности предания о выходе готов из Скандинавии убедительно проведена в книге Р. Хахманна «Готы и Скандинавия». Опираясь на данные греко-римской нарративной традиции, лингвистики и археологии, он убедительно продемонстрировал, что положительное решение вопроса о скандинавском происхождении готов, основанное на приведенной Иорданом легенде, не имеет ни исторических, ни лингвистических, ни археологических оснований⁴⁶. В главе, посвященной анализу письменных источников, автор показал, что передаваемая Иорданом легенда о переселении готов на материк, имеющая параллели в раннесредневековой историографии, является фольклорным сюжетом и восходит к позднеантичному представлению об обильном племенами севере. К мнению Р. Хахманна присоединился и автор недавно вышедшей монографии по истории готов П. Хитер⁴⁷.

Определенный элемент достоверности в предании, сообщаемом Иорданом, пытался найти Е. Колендо. Он полагал, что «исторические песни», на которых основывались Аблабий и Иордан, повествовали лишь о готах из рода Амалов, которые действительно пришли из Скандинавии и влились в состав гутунов⁴⁸. К его мнению присоединяются Х. Вольфрам⁴⁹ и М.Б. Шукин⁵⁰.

Мы не будем рассматривать вопрос о сопоставимости данных археологии и письменной традиции, двух совершенно различных по своей природе источников. Отметим лишь, что хотя археологические материалы и дают повод говорить о присутствии в готской среде скандинавского элемента, последний все равно развивался в местной среде. Подтверждением этому может служить и то, что памятники оксывской культуры на определенном этапе продолжают сосуществовать с вельбарской археологической культурой. Итак, процессы, происходившие в польском Поморье, отражались в частичном поглощении вельбарской культурой своих предшественников.

Вернемся к военно-политической истории готов. В 160-е годы н.э. обострилась военная обстановка на германских границах Римской империи. В 167 г., после того как Марк Аврелий завершил войну с Парфией, началось вторжение в римские земли маркоманнов и виктуалов⁵¹. На следующий, 168 г. римлянами была одержана победа, но еще год спустя варвары вновь вторглись в империю. Война на этот раз длилась уже до 175 г. н.э.

Относительно похода 167 г. в биографии Марка Аврелия сообщается, что маркоманнов, виктуалов и другие народы подтолкнули к нему «верхние варвары» (*superiores barbari*)⁵², т.е. племена, жившие севернее участников вторжения. Этот пассаж свидетельствует о начавшейся в это время определенной активности варваров, обитавших вдали от империи. В период маркоманнских войн их участники вандалы впервые начали активные военные столкновения с Римом. С конца II в. вандалы достаточно часто фигурируют в надписях из Паннонии, что свидетельствует об их контактах с империей и после маркоманнских войн⁵³. Найденная в Сирии эпитафия легионера, носившего восточногерманское имя Гутта, сына Эрминария (Γούθθα υἱοῦ Ἐρμιναρίου)⁵⁴, может являться одним из свидетельств достаточно интенсивных контактов Рима с восточногерманскими племенами.

⁴⁶ *Hachmann R.* Die Goten und Skandinavien: Quellen und Forschungen zur Sprach- und Kulturgeschichte der germanischen Völker. B., 1970. S. 109–135.

⁴⁷ *Heater P.J.* Goths and Romans 332–489. Oxf., 1992. P. 66f.

⁴⁸ *Kolendo J.* Źródła pisane w badaniach nad strefami kulturowymi i etnicznymi Europy środkowej w okresie gzymskim // *Problemy kultury Wielbarskiej*. Słupsk, 1981. S. 73–75.

⁴⁹ *Wolfram.* Op. cit. P. 39f.

⁵⁰ *Шукин.* Ук. соч. С. 248.

⁵¹ SHA. M.A. Phil. 14.3.

⁵² SHA M.A. Phil. 14.1: *profecti tamen sunt paludati ambo imperatores et Victualis et Marcomannis cuncta turbantibus, aliis etiam gentibus, quae pulsae a superioribus barbaris fugerant, nisi reciperentur, bellum inferentibus.*

⁵³ *Móscy A.* Pannonia and upper Moesia. L., 1974. P. 187–201.

⁵⁴ *Fieheger O., Schmidt L.* Inschriftensammlung zur Geschichte der Ostgermanen // *Denkschrift Akad. Wiss. Wien. Philos.-hist. Kl.* 1939. Bd 70. Abh. 3. № 20: Μνημείον Γούθθα υἱοῦ Ἐρμιναρίου πραιποσίτου ἰγεντιλίων ἐν Μοθανοῖς ἀνακρομεῖων ἀπογευ(ομέν)ου ἐτῶν ἕτει ρβ' περτίου κα' (= 21 февраля 208 г. н.э.).

В этой связи необходимо вновь обратиться к археологическим материалам, происходящим из восточной части древней Германии. На территории, занимаемой вандалами (лугиями), находятся памятники пшеворской культуры. В последней четверти II в. н.э. начинается распространение памятников вельбарской культуры на территорию Мазовии и Подлясья, где ранее локализовались памятники пшеворской культуры. Как отмечает К. Годловский, часть могильников пшеворской культуры продолжает существовать, но в ее погребальном обряде появляются новые элементы, свойственные вельбарской культуре⁵⁵. Наряду с этим фиксируется рост плотности населения в южных районах пшеворской культуры⁵⁶, а также проникновение ее памятников в верхнее Поднестровье. Здесь пшеворские элементы сыграли определенную, хотя и незначительную роль в формировании черняховской культуры⁵⁷. В большей степени экспансия пшеворской культуры была направлена к югу от Карпат, в верхний бассейн Тиссы, где отмечается большое количество ее поселений и могильников⁵⁸.

В конце II – начале III в. н.э. на памятниках вельбарской культуры наблюдаются существенные изменения: памятники, образовавшиеся в середине I в. н.э., прекращают свое существование, зато появляются новые, но уже в более восточных регионах – Мазовии, Западной Белоруссии, Правобережной Украине и Молдавии. Таким образом, отчетливо прослеживается миграция вельбарского населения на юго-восток⁵⁹.

Анализ хронологии вельбарских памятников в Белоруссии, на Правобережной Украине и в Молдавии позволяет выделить две волны проникновения населения в эти регионы с северо-запада. Первая волна – брест-тришинская (могильники Брест-Тришин, Пересыпки, Величковичи, Любомоль, Городок); образование этих памятников приходится приблизительно на 200 г. н.э., они просуществовали вплоть до конца III в. н.э. Памятники располагаются сравнительно узкой полосой вдоль Буга. Вторая волна – дытыничская (могильники Дытыничи, Ромош, Козья Яссы и др.); время жизни этих памятников относится приблизительно к 220–330-м годам н.э., когда ареал их значительно расширился: вельбарские памятники обнаруживаются вплоть до Поднепровья, охватывают Южное Побужье и появляются в Молдове. На этой же стадии возникают самые ранние памятники черняховской культуры⁶⁰. Археологические материалы, связанные с переселением вельбарских племен, встречаются на самых ранних черняховских могильниках⁶¹, М.Б. Щукин выделяет вельбарско-черняховские памятники, на которых наблюдается сочетание элементов обеих культур.

Археологические материалы свидетельствуют о начавшемся с конца II в. н.э. переселении племен-носителей вельбарской культуры на юго-восток. По мнению М.Б. Щукина, распространение вельбарских памятников в этом направлении не говорит о единовременном переселении больших групп населения. Скорее, мы можем констатировать постепенное перемещение небольших групп.

В результате миграции готов, как следует из письменной традиции, в середине – второй половине III в. н.э. на нижнедунайских границах Римской империи полностью изменилась этнополитическая ситуация. Относительно определения ранней даты

⁵⁵ Godłowski K. «Superiores barbari» und die Marcomannenkriege im Lichte archäologischer Quellen // Slovenska Archeologia. 1984. 32.2. S. 329–331.

⁵⁶ Ibid. S. 331 f.

⁵⁷ Ibid. S. 332; Гей О.А. Происхождение и этнический состав черняховской культуры // Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. – первой половины I тысячелетия н.э. М., 1993. С. 163.

⁵⁸ Godłowski. Op. cit. S. 332–334; Котигорошко В.Г. Культуры римского времени // Древняя история Верхнего Потисья. Львов, 1991. С. 167, 175.

⁵⁹ Oculicz J. Les aspects démographiques des migrations de la population de la civilisation de Wielbark en Mazurie, en Mazovie et en Podlasie // Archeologia Baltica. Łódź, 1989. T. 8: 'Peregrinatio Gothica'. P. 140 f.; 155 f.

⁶⁰ Кухаренко Ю.В. Могильник Брест-Тришин. М., 1980. С. 64–76; Щукин. Ук. соч. С. 247.

⁶¹ Кухаренко. Ук. соч. С. 64–76; Szczukin M. Zabutki wielskie a kultura czerniachowska // Problemy kultury wielbarskiej. Slupsk, 1981. S. 140–144.

появления готских племен у римских границ существуют две точки зрения. Согласно первой, авангард готов появился на нижнедунайских рубежах империи уже в конце II – начале III в. н.э.⁶², согласно второй, их появление здесь относится к середине – второй половине 230-х годов н.э.⁶³

Сторонники ранней даты основывают свои выводы на следующих письменных источниках. В биографии Антонина Каракаллы, правившего в 211–217 гг. н.э., в сообщении о различных нечестивых делах императора (женитьба на мачехе, убийство брата) говорится, что Гельвий Пертинакс, сын императора Пертинакса, после того как Каракалла присвоил себе титулы Германский, Парфянский, Арабский и Алеманский, сказал в шутку: «"Добавь, если угодно, Величайший Гетский", поскольку он убил брата Гету и гетамы называются готы, которых он, до того как переправился на Восток, побеждал в случайных стычках» (перевод мой. – ВЛ.)⁶⁴.

Из биографии Максимиана следует, что отец императора был готом, а мать – аланкой⁶⁵. Об этом же, со ссылкой на историка Симмаха, сообщается в «Гетике» Иордана⁶⁶. На варварское происхождение Максимиана указывает и Геродиан⁶⁷. Вероятно, информация Симмаха и автора биографии Максимиана в конечном итоге восходит к Геродиану, возможно, через какой-то общий латинский источник. По крайней мере имена Микка (Micca) и Абаба (Ababa/Hababa) могут быть произведены от $\mu\iota\kappa\kappa\alpha$ Геродиана⁶⁸. В период правления Макрия (217–218 гг. н.э.) Максимиан, уйдя с воинской службы, поселился в своем имении во Фракии, где поддерживал отношения с живущими у римских границ варварами⁶⁹.

Рассмотрим, насколько достоверны эти свидетельства. Биография Максимиана относится ко времени, когда готы были уже хорошо известны римлянам. Игра этнонимов готы–геты достаточно отчетливо видна как в биографии Максимиана, так и в биографии Антонина Каракаллы. По этой причине именно эти источники не рас-

⁶² Schmidt. Op. cit. S. 59 f. Daicovicu C. Einige Probleme der Provinz Dazien während des 3. Jahrhunderts // Studii Clasice. Bucuresti, 1965. T. 7. S. 237.

⁶³ Wolfram. Op. cit. P. 44.

⁶⁴ SHA. Ant. Car. 10.6: 'adde, si placet, etiam Geticus Maximus', quod Getam occiderat fratrem et Gothi Getae dicerentur, quos ille, dum ad orientem transit, tumultuariis proelis deuicerat. Ср. параллельное место в биографии Антонина Геты (SHA. Ant. Geta. 6.6). Гельвий Пертинакс сказал Антонину Каракалле: (...) 'adde et Geticus maximus', quasi Gothicus («"добавь и величайший гетский" как бы готский»; перевод мой. – ВЛ.).

⁶⁵ SHA. Maxim. 1.5–6: (Maximinus) de uico Thraiciae uicino barbaris, barbaro etiam patre et matre genitus, quorum alter e Gothia, alter ex Alanis genitus esse perhibetur, et patri quidem nomen Micca, matri Habana fuisse dicitur. ((Максимиан) происходил из деревни во Фракии, пограничной с варварами; к тому же от варварского отца и матери, из которых, передают, что первый происходил из Готии, а вторая – из алан. И говорят, что, по крайней мере, имя отца было Микка, матери – Абаба; перевод мой. – ВЛ.).

⁶⁶ Iord. Get. 83: Nam, ut dicit Symmachus in quinto suae historiae libro, Maximinus, inquam, Caesar mortuo Alexandro ab exercitu effectus est imp., ex infimis parentibus in Thracia natus, a patre Gotho nomine Micca, matre Habana, quae Ababa dicebatur (Ибо, как сказал Симмах в пятой книге своей истории, говоря, что Максимиан был провозглашен войском императором Цезарем после смерти Александра, рожденный от незнатных родителей – от отца гота по имени Микка, матери аланки, которая звалась Абабой; перевод мой. – ВЛ.).

⁶⁷ Herodian. VI. 8. 1: ἦν δὲ τις ἐν τῷ στρατῷ Μαξιμίνος διομα, τὸ μὲν γένος τῶν ἐνδοτάτῳ Θρακῶν καὶ μίξοβαρβάρων, ἀπὸ τίνος κώμης, ὡς ἐλέγεται, πρότερον μὲν ἐν παιδὶ ποταμίων (После известия о недовольстве римских воинов миром, который заключил Александр Север с германцами, сообщается: «А был в войске некто по имени Максимиан, родом ближе всего из фракийцев и из смешанных варваров, из некоей деревни, как говорят, в детстве (был) из пастухов (...)» (перевод мой. – ВЛ.); впоследствии Максимиан был зачислен в армию, где дослужился до командующего войсками в провинции).

⁶⁸ SHA / Ed. E. Hohl. V. 2. Lipsiae, 1960. P. 3.

⁶⁹ SHA. Maxim. 4, 4–5: (Maximinus) a militia desit et in Thracia in uico, ubi genitus fuerat, possessiones comparauit ac semper cum Gothis commercia exercuit, amatus est autem unice a Getis quasi eorum ciuis. Halani quicumque ad ripam uenerunt, amicum eum donis uicissim recurrentibus adprobabant ((Максимиан) ушел с военной службы и во Фракии, в деревне, где был рожден, приобрел собственность и постоянно с готами поддерживал отношения. Он же был чрезвычайно любим гетами, как будто бы (он был) из их общины. Аланы, которые бы ни приходили к берегу (?Дуная), признавали его другом предлагаемыми со своей стороны дарами; перевод мой. – ВЛ.).

сматриваются многими исследователями в качестве достоверных свидетельств о раннем появлении готских племен в Нижнем Подунавье. Но можно ли говорить о присутствии готских племен в Нижнем Подунавье уже в конце II – начале III в. н.э.?

Как показывают археологические исследования, возможность контактов римлян с готами во втором десятилетии III в. н.э. исключать нельзя. Если готское происхождение Максимиана (190-е годы н.э.) могло быть позднейшим домыслом, то контакты императора с готами в 217–219 гг. н.э. в Нижнем Подунавье были вполне возможны. Биограф Максимиана упоминает, что, живя во Фракии, Максимин поддерживал дружественные отношения с готами, гетами и аланами. Присутствие алан прослеживается в Нижнем Подунавье уже с середины I в. н.э. Можно предположить, что этникон *геты* в данном случае не несет в себе никакого этнического смысла, так как еще во времена Овидия он мог обозначать любого варвара, жившего в Нижнем Подунавье⁷⁰. Таким образом, интересующий нас пассаж в биографии Максимиана достаточно адекватно передает реальную этническую ситуацию в Нижнем Подунавье в начале III в. н.э.

Можно предположить какие-то военные столкновения с готами Антонина Карагаллы. Так как в титулатуре императора имеется титул *Dacicus Maximus*, следовательно, он вел военные действия и в Нижнем Подунавье⁷¹. Однако столкновения с готами были незначительными и имели скорее всего характер локальных пограничных конфликтов ('случайных стычек', *tumultuarii proeli*), поскольку император не считал нужным включить в свою титулатуру титул *Gothicus*.

О взаимоотношениях готов с Римом уже после переселения варваров в Нижнее Подунавье в 230–250-х годах нам известно гораздо больше. Согласно Петру Патрикию, в период правления Александра Севера (около 230 г. н.э.) карпы обратились к наместнику Мезии Тулию Менофилу, требуя денежных выплат. Обращение карпов было вызвано тем, что римляне выплачивали дань готам и подобного же захотели карпы⁷². В конце 220-х – начале 230-х годов н.э. в Мезии велись фортификационные работы, строились дороги. На монетах Марцианополя появилось изображение стен и башен, что свидетельствует о строительстве укреплений против варваров⁷³.

Если к 230 г. н.э. готы имели достаточно тесные контакты с римлянами, можно предположить и более ранние их связи в конце 210-х годов н.э. Необходимо помнить, что археологические датировки, приведенные выше, для этого периода могут колебаться примерно на десятилетие. На наш взгляд, контакты римлян с готами в период Карагаллы и Макрина могут быть признаны вполне соответствующими реальной этнополитической ситуации в Нижнем Подунавье.

Ко времени правления Максима и Бальбина (238 г. н.э.) относятся начало «скифской войны» и разорение Истрии⁷⁴. Очевидно, после нападения на Истрию между готами и римлянами на какое-то время установилось перемирие. В консульство Претекстата и Аттика (242 г. н.э.) Гордиан III начал войну с персами. По пути на восток император «направился в Мезию, и в самом походе всякого врага, кто был во Фракии, истребил, обратил в бегство, изгнал и оттеснил» (перевод мой. – *ВЛ.*)⁷⁵. Вероятно,

⁷⁰ Подосинов А.В. Произведения Овидия как источник по истории Восточной Европы и Закавказья. М., 1985. С. 209. Прим. 542.

⁷¹ *Alföldi A. Studien zur Geschichte der Weltkrise des dritten Jahrhunderts nach Christus*. Darmstadt, 1967. S. 313.

⁷² *Petr. Patr. fr. 7/F*. Jacoby: ὅτι Κάρποι τὸ ἔθνος φρονούβιτες τοῖς καθ' ἕκαστον ἐλευτὸν τελοῦμένους τοῖς Γότθοις, ἐπέειπεν πρὸς Τρούλλιον Μηνόφιλον («Петр Патрикий сообщает. – *ВЛ.*), что племя карпов, завидуя готам, получающим каждый год (дань от римлян. – *ВЛ.*), отправили послов к Тулию Менофилу (наместнику Мезии. – *ВЛ.*); перевод мой. – *ВЛ.*).

⁷³ *Alföldi. The Invasions...* P. 141 f.

⁷⁴ SHA. Max. et Balb. 16,3: sub his [Maximo et Balbino] pugnatum est a Carpis contra Moesos, fuit et Scythici belli principium, fuit et Histriae excidium eo tempore, ut autem Dexippus dicit, Histricae ciuitatis («При них [Максиме и Бальбине] карпы сражались против мезийцев, было начало скифской войны, произошло в это время и разорение Истрии, а как говорит Дексипп, истрийского гражданства»; перевод мой. – *ВЛ.*).

⁷⁵ SHA. Gord. 26. 4: fecit inter in Moesiam atque in ipso procinctu, quidquid hostium in Thraciis fuit, deleuit, fugnavit, expulit atque summouit.

среди упомянутых в биографии «врагов» были и готы. Последние присоединились к римскому войску, по-видимому, в качестве наемников. На возможность Рима содержать наемников имеется указание в биографии Гордиана III: на войну с персами император (...) отправился с огромным войском и таким количеством золота, что мог бы легко победить персов с помощью либо наемного, либо регулярного (войска)» (перевод мой. – В.Л.)⁷⁶. О готах в составе римского войска известно из надписи Шапура I из Кааба-Зороастер (*Res gestae divi Sapor*)⁷⁷. Во время персидского похода как военными, так и государственными делами управлял Мизитей, тесть молодого императора и одновременно префект претория (SHA. Gord. 27; 28; Zos. 1, 17). Вероятно, установление взаимовыгодных отношений готов с римлянами во время персидского похода было заслугой Мизитея. По крайней мере при перечислении достижений римлян в биографии Гордиана говорится, что «все это было достигнуто через Мизитея, тестя Гордиана и его же префекта» (перевод мой. – В.Л.)⁷⁸.

Однако в 243 г. н.э. Мизитей был умерщвлен, а его должность и фактическое место в управлении государственными делами занял Филипп Араб. Последний вскоре полностью отстранил от дел молодого императора, а затем убил его. Новым префектом претория были сведены на нет все успехи римлян в персидском походе. В то же время обострилась обстановка на варварской периферии империи.

Когда в Азии шла постепенная узурпация римского престола Филиппом Арабом, «Аргунт, царь скифов, разорял царства соседей, главным образом, поскольку он узнал, что Мизитей, разумом которого управлялось государство, умер» (перевод мой. – В.Л.)⁷⁹. Возможно, Аргунт стоял во главе готов, участвовавших в персидском походе⁸⁰. Т. Моммзен считал возможным отождествить Аргунта с упомянутым Иорданом Аргантом (*Argaithus*), которого автор «Гетики» назвал знатнейшим из племени готов⁸¹.

Вероятно, с событиями в северопонтийском варварском хинтерланде связаны археологически фиксируемые изменения в жизни античных городов Северного Причерноморья. В Ольвии имеется слой пожара, датируемый 230-ми годами н.э.⁸² Ко второй половине 230-х годов н.э. относятся разрушения в Тире⁸³. Во время правления боспорского царя Ининфимея (234–238 гг. н.э.) в Танаисе ведутся фортификационные работы: строятся новые укрепления, приводятся в порядок старые. Две надписи, свидетельствующие об этом, датированы 236 г. н.э. (КБН. 1249, 1250); две другие – временем правления Ининфимея (КБН. 1251, 1252). На оборонный характер этих мероприятий указывал еще В.Ф. Гайдукевич, связывавший их с подготовкой к отражению варварского нападения⁸⁴. В период с 238 по 242 г. н.э. на Боспоре не зафиксирована чеканка монет, что, по мнению Н.А. Фроловой, было вызвано дестабилизацией, явившейся, вероятно, следствием варварских вторжений⁸⁵.

⁷⁶ SHA. Gord. 26. 3: *profectus est contra Persas cum exercitu ingenti et tanto auro, ut uel auxiliis uel militibus facile Persas euinceret.*

⁷⁷ *ἄπὸς ἐπὶ τὴν βασιλείαν τῶν ἔθνῶν ἔστημεν Γορδιανὸς καίεαρ ἀπὸ πάσης τῆς Ῥωμαίων ἀρχῆς Γούθων ἔθνῶν [δύναμιν συνέλεξ]εν καὶ εἰς [τῆ]ν Ἀσσυρίαν ἐ[πι τὸ] τῶν Ἀρριανῶν ἔθνος καὶ ἡμῶς ἐπῆλθεν («После того как Мы вступили на царство народов, цезарь Гордиан (собрал) со всей державы римлян (войско) из гуттов и из германских племен, и отправился в Ассирию против народа ариан и нас»; перевод мой. – В.Л.); *Mariq A. Classica et orientalia // Syria. 1961. 35. 3/4. P. 307; Bailey H.W. A Parthian Reference to the Goths // English and Germany Studies. 1961. 7. P. 82 f.**

⁷⁸ SHA. Gord. 27.2: *sed haec omnia per Misitheum, socerum Gordiani eundemque praefectum, gesta sunt.*

⁷⁹ SHA. Gord. 31.1: *Argunt Scytharum rex finitimorum regna uastabat, maxime quod conpererat Misitheum perisse, cuius consilio res p. fuerat gubernata.*

⁸⁰ *Alfildt A. The Invasions... P. 142.*

⁸¹ *Iord. Get. 91; Mommsen. Op. cit. P. 146.*

⁸² Крапивина В.В. О двух «готских» разрушениях Ольвии // Древнее Причерноморье. II чтения памяти проф. П.О. Карышковского. Тез. докл. Одесса, 1991. С. 47–49.

⁸³ Карышковский П.О., Клейман И.Б. Древний город Тира. Киев, 1985. С. 131–133.

⁸⁴ Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М. – Л., 1949. С. 443.

⁸⁵ Фролова Н.А. Вторжение варварских племен в города Северного Причерноморья по нумизматическим данным // СА. 1989. № 4. С. 200.

О столкновениях готов с римлянами в период правления Филиппа Араба (244–249 гг. н.э.) сообщает Иордан. По свидетельству автора «Гетики», готы, после того как у них был отнят стипендий, «из друзей сделались недругами» (перевод мой. – В.Л.)⁸⁶. Согласно Иордану (Кассиодору), эти события стали причиной войны между готами и римлянами, которая окончилась гибелью императора Деция. Во главе готов, как сообщается в «Гетике», стоял Острогота. Присутствие последнего – легендарного персонажа, эпонима племени остроготов – может быть объяснено упомянутым ранее приемом Кассиодора, которым он пользовался при составлении готской истории. События, которые приписываются «времени правления Остроготы», все же имели место в истории готов. Итак, по Иордану (Кассиодору), после того как у готов был отнят стипендий, «Острогота... перейдя со своими (людьми) Дунай, опустошил Мезию и Фракию» (перевод мой. – В.Л.)⁸⁷. К начавшим войну готам был послан сенатор Деций, который, не будучи в состоянии остановить варваров, отпустил воинов со службы, свалив на них всю вину за то, что готы перешли Дунай, следствием чего стал переход римских солдат на сторону Остроготы. Последний вскоре собрал огромное войско: к готам присоединились тайфалы, астринги, три тысячи карпов и певкины. Во главе намечавшегося похода на римлян Острогота поставил Аргаита и Гунтериха⁸⁸. Затем в источнике следует изложение событий войны 248/9–251 гг. н.э.

Несколько иначе описывают правление Филиппа Араба Зосим и Иоанн Зонара. Вступив на престол, Филипп заключил мир с персами и отправился в поход против карпов, опустошавших побережье Истра. После нескольких удачных для римлян сражений карпы запросили мира, на что Филипп легко согласился (Zos. I. 20). В последний год правления Филиппа в результате восстания римских войск в Мезии и Паннонии центурион (ταξίάρχος) Марин был объявлен императором. На подавление мятежа был послан сенатор Деций, который после его подавления был сам провозглашен императором (Zos. I. 20, 21; Ioan. Zonar. 12. 19). В начале правления Деция (249 г. н.э.), «когда дела, вследствие крайней беспечности Филиппа, пришли в полное расстройство» (Zos. I. 23; перевод В.В. Латышева), началась война с готами.

Подведем некоторые итоги. На основе письменных свидетельств можно проследить изменения этнической ситуации на нижнедунайских границах Римской империи в первой половине III в. н.э. Уже к началу 230-х годов н.э. здесь сосредоточивается достаточно значительное количество готских племен. В пользу этого предположения свидетельствует хотя бы тот факт, что римляне производили готам денежные выплаты. Если принять достоверность свидетельства «Истории Августов» о торговле жившего во Фракии Максимиана с готами в 216–218 гг. н.э., то тогда напрашивается вывод о присутствии на фракийских границах империи готского населения уже во втором десятилетии III в. н.э. Следует также помнить, что в 238 г. н.э. начинается «скифская война», известная нам по «Истории Августов», где название «скифы» во всех случаях является синонимом этнониму «готы»⁸⁹.

С постепенным, а не единовременным продвижением к римским границам новых варварских племен связаны фиксируемые в источниках расхождения о времени появления готов на рубежах империи. Их расселение на новой территории должно было привести как к контактам с местным населением, так и с находившейся рядом Римской империей. Взаимодействие с римлянами носило характер не только военных столкновений, но и мирных, союзнических отношений. Вероятно, на союз с римлянами готы шли достаточно охотно, чему могли способствовать следующие факторы. В Нижнем Подунавье по-прежнему продолжало жить коренное население, с которым

⁸⁶ Iord. Get. 89: de amicis effecti sunt inimici.

⁸⁷ Ibid. 90: transiens tunc Ostrogotha cum suis Danubio Moesiam Thraciasque uastavit.

⁸⁸ Ibid. 91: (...) mox triacenta milia suorum armata produxit ad bellum adhibitis sibi Taifalis et Astringis nonnullis, sed et Carporum tria milia, genus hominum ad bella nimis expeditum, qui saepe fuere Romanis infesti (...). his ergo addens Gothos et Peucinos ab insula Peucis (...) Argaitum et Gunthericum nobilissimos suae gentis doctores praefecit.

⁸⁹ Исключением может служить лишь SHA. Hadr. 16.3, где упоминаются в стихотворении «скифские снега» (Scythicae pruinae).

готам, особенно на первых порах, необходимо было считаться. Очевидно, что в столь плотно населенном районе мест, удобных для поселения (занятий земледелием, скотоводством), было, по-видимому, недостаточно.

Готские набеги на римские земли не всегда оканчивались успехом, поэтому участие варваров в римской армии было для них немаловажным источником существования. В то же время служба в римской армии должна была способствовать усилению военной мощи тех готских отрядов (здесь, вероятно, можно говорить о дружинах, возглавляемых вождями), которые участвовали в римских кампаниях. Благодаря этому готы смогли получить представление и о внутривосточной ситуации в империи. Царь Аргунт начал разорять «царства соседей» именно потому, что узнал о смерти Мизитя; имея сведения о том, что в период правления Филиппа дела в империи «пришли в расстройство», готы отважились на военное вторжение в римские земли. За два-три десятилетия пребывания в Нижнем Подунавье (210-е – 240-е годы н.э.) они создали коалицию племен, куда, по свидетельству Иордана, входили тайфалы, астринги, карпы и певкины (последние обитали в Нижнем Подунавье задолго до появления готов). Возможно, наряду с варварами в готское войско вошла и какая-то часть римских легионеров, участвовавших в восстании Марина, что также способствовало укреплению военной коалиции, возглавляемой готами. Таким образом, 210-е – 240-е годы н.э. стали временем создания в Нижнем Подунавье достаточно мощного военного союза, в котором готы занимали доминирующее положение. В последующие годы племена этого союза перешли в тотальное наступление на римские земли.

В.В. Лавров

THE MIGRATION OF THE GOTHS TO THE BLACK SEA REGION

V.V. Lavrov

The author of the article is comparing the facts on Goth migration to the Black Sea known from written sources with today's archaeological materials. It is known from the literary tradition of Goth migration to Scythia (Jordan's «Getica»), that the original place of Goth domicile in Scythia was the Maeotic region. According to the author's opinion, Jordan's evidence has nothing to do with the real Gothic history. The localisation of the Goths near Maeotis is due to the falsification of Gothic history by Cassiodorus; the latter adds to the history of the Goths certain subjects from other nations' histories in this particular case – from the Scythian history. The Scythes' dwelling near Maeotis is the topos of the classical literary tradition.

The earliest sources on Gothic history (Plinius Major, Tacitus, Claudius Ptolemaeus) put this tribe in the eastern part of ancient Germany. Archaeologists relate to Goths the sites of Wielbark culture. In the 3rd quarter of the 2nd century A.D. these sites began to emerge in Masovia and Volyn. This resulted in the formation of the vast Chernjakhov culture in the Black Sea region.

Ancient sources enable us to assert the presence of some groups of Goths near the Roman frontier at the beginning of the 3rd century A.D. The Gothic migration to the Black Sea region was gradual and the majority of the Goths arrived at the Roman frontier in the middle of the 3rd century A.D. when the Gothic wars of 250–270 A.D. began.